

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГОД ИЗДАНИЯ СЕМНАДЦАТЫЙ

1 (85)

1975

МОСКВА, «ВЫСШАЯ ШКОЛА»

Ф. З. КАНУНОВА. ЭСТЕТИКА РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ

(А. А. Бестужев-Марлинский и романтики-беллетристы
20—30-х годов XIX в.).

Изд-во томского госуниверситета, 1973

Литература о романтизме ежегодно пополняется новыми исследованиями, и коллективная мысль ученых позволяет теперь о многих сторонах этого направления и метода судить с гораздо большей определенностью, чем прежде. Рецензируемая книга в основном посвящена А. А. Бестужеву-Марлинскому — критику и прозаику. Но в то же время — это теоретическое исследование о природе романтического метода, о его философских основах, о том, как этот метод проявился в творчестве замечательного русского писателя-декабриста. Бестужев как прозаик показан в процессе творческой эволюции впервые с такой основательностью, но, хотя он в книге, несомненно, центральная фигура, творчество других русских беллетристов — его предшественников, современников и тех, кто пришел после него, — выступает не просто фоном, но представлено здесь в тесном взаимодействии. Прослеживая эволюцию русской повести от Карамзина до Гоголя, где Бестужев-Марлинский составляет как бы серединное звено, Ф. З. Канунова анализирует развитие не только этого жанра, но в известной мере и всего литературного процесса 20—30-х гг. XIX в.

Книга точно названа: не идейно-художественные особенности повести, а именно ее эстетика, поскольку анализ произведений Бестужева-Марлинского неотделим от рассмотрения его философско-эстетических взглядов. Это структурообразующий принцип монографии: от мировоззрения художника к его творческой практике, от анализа его философии к исследованию проблем метода, идеала, характера, жанра. В таком принципе исследования есть, на наш взгляд, некоторые «подводные камни», о чем мы скажем ниже, но в целом он, бесспорно, плодотворен, и монография Ф. З. Кануновой — тому доказательство.

Автор справедливо отмечает, что философские взгляды Бестужева-Марлинского изучены недостаточно, между тем они представляют собой стройную и глубокую систему гражданского романтизма. Специально посвящая этому первую главу своей монографии, Ф. З. Канунова и в дальнейшем не оставляет философско-эстетический аспект анализа, прослеживая сложные связи Бестужева с передовой мыслью 20—30-х гг.

Отмечая философский дуализм писателя, Ф. З. Канунова связывает с этим и особенности его художественного видения мира. Автор решительно возражает против наметившейся в нашем литературоведении 50-х гг. тенденции оценивать Бестужева с позиций реализма, упрекать писателя за то, что он в чем-то «не дотянул» до реалистического изображения действительности. Не подменяя критериев одного метода другим, Ф. З. Канунова показывает, как писатель-романтик следует жизни, как сочетается в его творчестве идеальное и действительное, субъективное и объективное.

Из главы в главу прослеживается в монографии, как эволюционирует взгляд Бестужева на историю и человека, как решает писатель важнейшую проблему русской литературы 30-х гг. — проблему личности. В противоположность тем исследователям, которые рассматривают последекабрьский период в творчестве Бестужева как простое продолжение предшествующего, Ф. З. Канунова отмечает существенные различия во взглядах и творчестве писателя до и после 1825 года. Прежде всего меняется отношение писателя-романтика к идеологии Просвещения. Не отказываясь от просветительской веры в человека, Бестужев пересматривает свои просветительские иллюзии о всемогуществе разума. Теперь «романтики апеллируют к психологии человека, к субъекту, рассматривающему весь мир относительно себя» (стр. 103). Как и другие романтики, Бестужев стремится теперь перейти от абстрактно-романтического понимания личности к историческому. Сближение с народом в кавказский период способствует глубокому восприятию передовых идей времени. «Стремление понять обусловленность человека историей, своеобразием национальной культуры, а самое историю осмыслить как развитие, — новое в историзме Бестужева 30-х годов» (стр. 111).

Ф. З. Канунова подчеркивает большое значение, которое имели для Бестужева труды французских историков эпохи Реставрации, особенно — О. Тьерри. Вслед за Полевым Бестужев понимает историю как историю народа, историю всей нации, «стремится к отрицанию рационалистической трактовки истории, к утверждению идеи единства и закономерности исторического процесса, идеи исторической необходимости» (стр. 118). Однако, отмечает исследователь, Бестужев «... много размышляет о том, что прогрессивная в своей основе идея об исторической обусловленности человеческого бытия и о закономерном развитии человечества в целом не может успокоить деятельную натуру человека, снять с нее ответственность за происходящее вокруг него зло» (стр. 132).

В условиях жестокой реакции 30-х гг. Бестужев утверждает, что главный смысл жизни заключается в активизации личности, в ее гражданственно-патриотическом служении родине.

Анализу концепции личности у Бестужева последекабрьского периода посвящается третья, основная глава монографии. Прославление волевым, деятельной натуры было свойственно Бестужеву и раньше, но теперь уже речь идет о поведении русской дворянской интеллигенции в обстановке николаевского гнета. Устанавливая связь Бестужева с немецким идеализмом, Канунова пишет о том, что писателя особенно привлекает идея свободной воли, которую он осмысляет прежде всего как идею общественного служения. А уход в себя для него, как и для Чаадаева, связывается с проблемой самопознания, которая в условиях 30-х гг. также становится общественной проблемой эпохи.

Вместе с тем автор постоянно отмечает глубокие противоречия в сознании и творчестве Бестужева. В отличие от Тьерри писатель не понимает сущности классовой борьбы и рассматривает историческое развитие лишь как развитие нравственное, а в духовной жизни личности, когда она переживает моменты наивысшего напряжения, видит выражение сверхличных, иррациональных сил. Ф. З. Канунова показывает, как внутренняя противоречивость концепции личности определяет природу жанра бестужевской повести 30-х годов.

Одно из достоинств монографии — стремление автора проследить идейно-художественную близость позднего Бестужева и Лермонтова. В отличие от многих исследователей, видевших общее у этих художников лишь в сфере этнографических описаний, Ф. З. Канунова считает Бестужева непосредственным предтечей Лермонтова в самой концепции личности, в «поэтике контрастов». Особенно отчетливо близость к Лермонтову проявляется в кавказских повестях Бестужева. Если в ранних повестях Бестужеву порочному и жестокому обществу противопоставлялась сильная и яркая личность, то теперь конфликт осложняется внутренним разладом героя (Правин в повести «Фрегат «Надежда»), «клубком неразрешимых противоречий представляется сейчас Бестужеву сознание человека» (стр. 212). Ф. З. Канунова убедительно доказывает на примере повести «Аммалат-бек», что «Аммалат предвосхищает сложного демонического героя Лермонтова с его жаждой жизни и добра, с одной стороны, и обреченностью миру зла — с другой» (стр. 212).

При всей любви Бестужева к натурам незаурядным и исключительным, писатель утверждает гибельность наполеонизма, индивидуализма, пренебрежительного отношения к людям. Но в то же время он (как и Лермонтов) понимает, что индивидуалистический бунт — это «вынужденное, порожденное эпохой явление», «результат глубокой внутренней неудовлетворенности окружающим» (стр. 257). В этом и состоит неразрешимая сложность проблемы.

Давая сравнительную характеристику ранних и поздних повестей Бестужева, Ф. З. Канунова отмечает, что повести 30-х гг. «окрашены в трагические тона, они драматичны, несмотря на замысловатую, подчас вычурную форму и даже внешнюю беззаботность рассказа» (стр. 101). Они представляют собой более сложный, чем прежде, мир, отличаются от ранних произведений новым интеллектуальным героем, в них усиливается интерес автора к фольклору. Если прежде историко-культурный антураж играл скорее декоративную роль, то теперь, замечает исследователь, он становится психологическим фактором: писатель стремится понять, как формируется характер человека в связи с историей и национальной культурой. Последнее более всего относится к кавказским повестям Бестужева.

В монографии Ф. З. Кануновой Бестужев-Марлинский как мыслитель и художник предстает в нерасторжимом единстве. Говоря о его художественном методе, автор отмечает, что личность, при всей ее важности для писателя-романтика, не поглощает собою в его сознании внешний мир, что его произведения отличаются дуплановостью, двумя конфликтами. Автор тщательно изучает жанровую структуру произведений, их композицию, манеру повествования. Большое место в книге отведено работе писателя над словом, сопоставлению различных редакций произведений.

Не упрекая писателя за «прегрешениях» против реализма, Ф. З. Канунова, однако, часто оправдывает его как романтика. Правда, в книге есть отдельные замечания об ограниченности бестужевского романтизма, о банальности и манерности, встречающихся в его произведениях, об искусственности языка и т. д. Но главное — здесь не установлена мера таланта писателя. Как известно, и внутри романтизма были художники разных уровней мастерства, и тот же Бестужев не относился к числу самых выдающихся. В монографии хорошо объяснено, почему Бестужев имел успех в 30-е гг., но слишком бегло сказано о том, почему он утратил его в следующем десятилетии и почему так сурово его критиковал Белинский. Разве дело только в том, что ему были свойственны аффекты, театральность, мелодраматизм? Но у кого из романтиков этого не было? Утратил свое значение сам романтизм? Но почему Белинский, отстаивавший реалистическое искусство, в то же время так высоко оценивал Жуковского? Не потому ли, что Жуковский был талантом первой величины?

И сама эволюция Бестужева объективно выглядит в монографии как неуклонный прогресс. Но разве его путь был только «вперед и выше»? И каждое его произведение было непременно творческой победой?

Автор почти о каждой проблеме творчества художника говорит как о «важнейшей». Важнейшими в эстетике Бестужева (или всех декабристов) названы: «проблема пропаганды революционных, гражданственно-патриотических идей» (стр. 10), «проблема идеала, творимого воображением, фантазией» (стр. 16), «проблема характера» (стр. 25), «проблема слога» (стр. 34), «торжество внешнего материального мира» (стр. 52), «патетика контрастов» (стр. 92), «сближение с действительностью» и «проблема индивидуализма» (стр. 119), «проблема национальной и исторической детерминированности характера» (стр. 186—187), «личный план повествования» и тема родины (стр. 191), стремление к действительному миру (стр. 293), идеализация характера (стр. 298) и т. д. Естественно, что в числе перечисленных проблем читателю хочется выделить все-таки самые важные.

И последнее замечание. Автор монографии устанавливает строгое соответствие между взглядами и художественной практикой Бестужева. Так ли это? Ведь Бестужев — романтик, т. е. художник, творящий «не по правилам», под влиянием страстей, вдохновения, эмоциональной стихии. А о нем, например, сказано: «Идея от коренного положения романтической эстетики о характере как выражении сложной борьбы страстей, Бестужев неуклонно драматизирует образ Амалата» (стр. 213). Создается впечатление, что Бестужев был художником рационального, строго упорядоченного письма.

Бесспорно, все это не снижает достоинств серьезного и глубокого исследования. Монография Ф. З. Кануновой — обобщение значительного опыта автора, много лет изучавшего историю русской повести конца XVIII — первой трети XIX вв. Появлению данной книги предшествовали две монографии, посвященные повестям Карамзина и Гоголя. Теперь заполнено «промежуточное звено». Исследовательская «трилогия» Ф. З. Кануновой позволяет читателю проследить общие типологические черты романтической повести, глубже проникнуть в природу романтизма.

Ю. С. ПОСТНОВ
(Новосибирск)